

Руслан Белов

Miss G.

Руслан Альбертович Белов
Miss G.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=152695

Руслан Белов

MISS G.

* * *

Она, обнаженная, лежала на траве в десяти ярдах от тропы, по которой я шел, знакомясь со злополучным островом; стройные ноги ее были раскинуты в стороны, взор устремлен в голубое небо. Пораженный, я замер. Придя в себя от комариного укуса – откуда он взялся в этом раю? – решил скрыться в ближайшей роще островной сосны (*P. insularis*), но первым же шагом раздавил некстати подвернувшуюся ракушку. Та предательски шумно отметила свою кончину, и женщина подняла голову, вовсе не испуганно, впрочем, это неудивительно. Вглядевшись в ее огромные зеленые глаза, излучавшие спокойный свет, я понял, что мне ничего не угрожает, и более того, их обладательница радуется моему появлению, как радуются появлению друга или, точнее, как радовался Робинзон появлению в своем расположении Пятницы. Отметив, что зеленоглазая дива весьма хороша собой, я не смог не приблизиться к ней. Кожа ее бедер (я стал их рассматривать, чтобы не пялиться охально на... на вагину), была нежна и шелковиста. Это меня удивило. Возьмите лупу и посмотрите на свое запястье – на нем нежная кожа – и

вы увидите нечто подобное такыру, поросшему жестким волосом и изборожденному глубокими бороздами. Увеличьте этот такыр в несколько раз, и вряд ли вам захочется его ласкать и гладить. Но у терминаторши моего недельного одиночества кожа бедер, да и везде, включая и розовые ступни, была шелковистой. Это, вкупе с необычайной стройностью тела и легкостью его движений чудесным образом влияло на мое зрение, и потому женщина, несмотря на величину, воспринималась вполне мне соразмерной.

Когда я раздумывал, что делать дальше, с моря примчался игривый ветерок – этот уставший от скуки остров со всем своим кордебалетом, включавшим комаров, ракушки, атмосферные явления и пр, пр, пр, явно возжелал поставить со мной, заезжим актером, тропический по накалу водевил. Покрутившись вокруг женщины, он завзятым купидоном переместился ко мне и, обдав лицо волшебным запахом страсти, мигом скрылся в рощице, в которой минуту назад я хотел малодушно скрыться.

Волшебный запах возродившейся плоти, запах вмиг покоровший мое обоняние, происходил из ее промежности (к этому времени я, ведомый вполне определенными силами – ханжи уничтожительно называют их похотью, – стоял меж ног главной героини завязывавшегося водевиля).

Запах насквозь пронзил меня, три месяца и шесть дней не знавшего женщины, пронзил от ноздрей до яичек, пронзил откровенностью происхождения и добрым связующим аро-

матом.

Этот запах... В любви его значение невозможно переоценить. В юности я не женился на Джулии Бедсмел, неплохой, в общем-то, девушке, дочке богатого торговца ворванью и благовониями, а также владельца трех китобойных шхун, не женился из-за этого самого запаха – он был кисловат и к тому же отдавал благовониями, изготовленными на основе подпорченной амбры – торговец был скуп выше всякой меры. Другая женщина, а именно вторая жена, божественная Дебора Керкелайн, не смогла удержать меня в своей необъятной постели, не смогла удержать тоже из-за неприятного запаха, но секрета своих сальных желез. А у последней супруги, Сары Бигноуз, была неизбывная молочница, и, понятно, подышать полной грудью в позе обожаемой ею французской любви мне удавалось крайне редко. Да... Что и говорить, запахи сыграли большую роль в моей личной жизни. Хотя, если честно подумать, от всех своих женщин я ушел в Портсмуте, а из Портсмута так легко уйти.

* * *

...А гулливерша пахла удивительно хорошо, и я с симпатией посмотрел на то, что в простом народе метко называют лохматкой. Она была негустой, и потому не скрывала внешних губ, готовых раскрыться цветком. Я подумал, что буду делать, если они раздвинутся и откроют моим глазам обво-

рожительно влекущую щелочку преддверия. Женщина, видимо, уловила мои мысли, и довольно резко свела ноги. Я оказался зажатым между бедрами – одна голова осталась на свободе, – и, – что таить? – немного испугался этому. Однако кожа бедер великанши излучала приятное тепло, плоть их была мяконькой и родной, и испуг быстро в ней растворился, уступив место, несомненно, приятной растерянности. Я посмотрел на женщину – она приподняла голову, приязненная полуулыбка владела ее лицом и поощряла к действию. Не зная, что делать, я решил продвинуться к нему, то есть к лицу. Ведь в приличном обществе, к коему я имею честь себя относить, знакомство завязывается лицом к лицу, а не так, как у нас получилось. Женщина, как бы соглашаясь с моими благонравными мыслями, раздвинула ноги и я, немного раздосадованный отстранением их тепла, вновь устремил глаза к ее внешним губам – они зовущее пламенели. Я подался к ним, тронул внутренние губы. Они тянули, как изображение очага тянуло длинный нос Буратино. Поняв, что сейчас эти губы, утомленные одиночеством, раскроются и мне придется остаться один на один с клитором, размером с указательный палец сорок седьмого размера, я решил взобраться на лобок. Делать это обутым было неловко, я снял свои морские сапоги, и, забросив их за бедро женщины, решительно, конечно же, напоказ решительно, схватился обеими руками за пряди волос и пустился наверх.

– О-о-й, – слышался тут же сдавленный смешок, – боль-

но!

Такая чисто женская реакция расстроила мои действия, и левая нога, скользнув по внешней губе, провалилась во влагалище.

От неожиданности я чуть было не разжал рук. Однако опыт скалолазания, приобретенный мною после памятного бегства из каземата острова Ту, помог, и я удержался, хотя женщина вздрогнула баллов так на шесть по шкале Рихтера. Осторожно вытащив ногу, я хотел, было, продолжить движение вверх, но она, не пуская, уперлась ладошкой мне в голову. Ладошка была раз в десять больше моей, но это не охладило чувства протivления, напротив, оно разгорелось костром. Охваченный им, я поднял голову и куснул обидчицу в самую линию жизни. Господи, кожа ее была столь нежна, нежная ладонь розово просвечивала, и потому зубы мои немедленно разжались, и укус тотчас обратился гусеницей в чудесную бабочку поцелуя.

Поцелуй, конечно, оказал соответствующее воздействие, в результате коего я оказался тесно прижатым к тому, от чего пытался бежать.

– Что делать?! – судорожно думал я, всем своим телом чувствуя жажду ее ненасытных губ, представляя, как у меня встанет, и как она этому засмеется и назовет меня милым и смешным комариком.

В трудные минуты я редко теряю самообладания, с детства следуя первому императиву бродяг и авантюристов:

«Испугался – погиб». Этот настрой помог найти решение: я трупом обездвижил. Так, было мне известно, в минуты опасности поступают некоторые мелкие животные, одному из которых я по воле судьбы уподобился.

Подумав, что со мной что-то нехорошее случилось, хм, партнерша поднесла меня к лицу, распахнула ладонь. Липкий от секрета бартолиниевых желез (именно они увлажняют стенки преддверия влагалища – это мне было известно из книг, на «Эксельсиоре» заменявших вашему покорному слуге общение с женщинами), я, приподнял голову, посмотрел. И тут же красота моей обладательницы, ее совершенство, ножом вошли в мое бешено бьющееся сердце.

– Итак, я вновь игрушка женщины, – подумал я, оглядывая свою грудь с прилипшими к нему волосками с лобка своей обладательницы. – Что делать? Получать удовольствие? А почему бы и нет? Тем более, это удовольствие по многим статьям обещает стать уникальным?

Я улыбнулся, вспомнив фразы, любимые Круглым Джоном, нашим коком, коком, кормящим теперь, увы, не матросов, но рыб. Любитель крупных гладеньких женщин, он часто повторял мне, ценителю изящности, что «хорошей женщины должно быть много» и «качество женщины напрямую зависит от количества ласкательной поверхности». Взгляд мой обратился на обладательницу поверхности, способной дать любой дюжине очаровашек сто квадратных дюймов вперед. Красивая, притягательно непорочная, да, да, несмотря

на все, непорочная – смущение, смешанное с желанием его преодолеть, удивительно живило ее глаза, глаза цвета моря, решившего отдаться крепкому ветру страсти. Ну, великовата чуть-чуть. Раз в десять с гаком. Но я ведь никогда не испытывал чувства неполноценности, общаясь с высокими женщинами? С высокими... А как мы будем разговаривать? Ведь любит женщина ушами. Услышит мой голос, покажется ей высоким? То есть комариным? Как и пенис?

Рука моя инстинктивно сокрыла соответствующее место личной комплекции. Женщина, мягко улыбнувшись, плавным движением переместила меня на грудь. Присев меж двух персей, я ошеломленно покачал головой – они, даже осевшие, были вровень со мной. Сладив с необычными ощущениями, прилег на одну из них. Она, теплая, родная, услужливо подалась, услужливо и символически подалась, как бы принимая меня в себя, в свое лоно. Улыбка женщины стала загадочно-туманной, рука потянулась к груди, той, на которой я расположился. Стала разминать сосок, нежно розовый и небольшой, относительно, конечно. Это заводило, и я не смог не заняться вторым соском. Переместившись к нему на четвереньках, стал щекотать языком и целовать. Женщине это понравилось, и я, поощренный этим, принялся его страстно посасывать. От этого у меня развилась необычно сильная эрекция. Сняв спешно исподнее, я обхватил грудь женщины руками и, продолжая ласкать сосок, стал угождать члену движениями тела.

Женщина застонала, вожделенно двигая задом, затем, прошептав:

– Напрягись, напрягись всем телом, – схватила меня за ноги и понесла через небо, конечно же, к оголодавшему своему влагалищу.

Поняв, что произойдет через мгновение, я напрягся, почувствовав мою готовность, она вогнала меня в самую свою середину.

Свет дня померк – я оказался там, куда всю свою сознательную жизнь стремился, правда, стремился всего лишь сердцем и крайней плотью. И вот, я весь там, в склизкой пещере. Я, всем своим нутром бывший членом, стал им фактически.

* * *

Все в жизни проистекает закономерно. В детстве, оставленный родителями, я не научился подчиняться обстоятельствам, а обстоятельства мужчины – это, прежде всего, отсутствие женщины, способной удержать, способной замкнуть весь мир в одну себя. Ни одна из них не могла удержать меня. После очередного разрыва я опускался в пропасть, чтобы, полежав на самом ее дне, вновь приняться искать выход – женщину, которая дарит счастье, придвигая к тебе плоску с овсянкой, которая заставляет смотреть лишь на себя, а не на каждый уходящий из Портсмута корабль, уходящий на край

света. И вот, когда невиданных концов света не осталось, когда оставлены сотни женщин, когда последний корабль, мой старый «Эксельсиор», разбит в щепы, когда последний друг зарыт в прибрежный песок на радость прибрежным крабам, появляется она. Мы одни на этом острове, и я в ее власти, я в ней, в ее влагище. Что ж, жизнь продолжается...

* * *

Все прошло хорошо – мы кончили одновременно. Бурно и сладко. Бурно и сладко, потому что я, тертый всеми частями света, не испугался. Умея с детства задерживать дыхание – для моряка это необходимо, и зная из журналов определенного содержания, что длительная задержка дыхания многократно усиливает оргазм, я вошел в роль и исполнил ее, по словам партнерши, просто восхитительно.

* * *

Спустя некоторое время, когда мы вполне привыкли друг к другу, я, терзаемый дурными мыслями, сказал, что нашел подходящее дерево и хочу сделать из него лодку, с тем чтобы покинуть остров навсегда. Вот как это было.

...Мы, утомленные любовью, с каждым разом становившейся все безумнее и безумнее, лежали на пляже у самой

воды, и я рассказывал, как бежал с острова Ту, основной достопримечательностью которого была религия, священнослужители которой в прямом смысле этого слова продавали верующим путевки в загробный мир, воспринимавшийся ими в виде благодатного острова, застроенного отелями.

– Неплохая религия, – сказала она, сладко зевнув. – Там, наверное, никто не боится смерти.

– Да. Но всю жизнь они вкалывают с утра до ночи, чтобы купить больше звезд, то есть путевку получше.

– И ты сбежал, чтобы не вкалывать с утра до ночи?

– Нет, не из-за этого. Понимаешь, я – моряк... И без моря жить не могу...

Она молчала, и я продолжал врать:

– Знаешь, я уже присмотрел дерево. Из его ствола получится неплохая посуда...

Она, разместив в сознании услышанное, отвела взор от красного закатного солнца и пристально посмотрела мне в глаза. Ясно прочитав в них давно тревожившие меня мысли, проговорила:

– Значит, ты хочешь оставить меня...

– Нет, но... – посмотрел я беспомощно на женщину, безраздельно владевшую и моим телом, и – что скрывать? – сердцем, в нем бившемся, давно бившемся для нее одной.

– Что но?

– Понимаешь... Я боюсь... Ты такая...

– Понимаю... Страстная?

– Да...

– Не надо этого бояться, милый. Видишь ли, я – пуританка

и...

– Что и?

– И... не приемлю анального секса...

Сейчас у нас два замечательных мальчика и девчонка.

Они носят меня на руках.